

СТРАШИЛКИ

Страна восковых фигур

Елена УСАЧЕВА

ЭКСМО

Елена Усачева

Страна восковых фигур

«ЭКСМО»

2005

Усачева Е. А.

Страна восковых фигур / Е. А. Усачева — «Эксмо», 2005

«Если ты переживешь сегодняшний день, то жизнь у тебя будет долгая и счастливая...» – такое ужасное предостережение услышала однажды Танька Фролова. И это не просто пустые слова – Таньку хотят убить, снять с нее посмертную маску и слепить восковую фигуру. И это за то, что Фролова в детстве, видите ли, плохо относилась к игрушкам. А они пожаловались хозяйке жуткого Музея восковых фигур, которая имеет грандиозные планы – стать правительницей не только своей кукольной страны, но и всего мира...

© Усачева Е. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава I	5
Глава II	14
Глава III	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Елена Усачева

Страна восковых фигур

Глава I

Трамвай вне расписания

Дождь шел второй день.

Ладно бы осень или весна. Ты сидишь в классе, и тебе все равно, что там за окном. Во время учебы все можно стерпеть. А зимой в минус двадцать и вообще занятия отменяют.

Но за окном лето, и затяжной дождь совершенно не к месту.

Танька Фролова стукнула кулаком по коленке и сползла со стула.

Дождь. Лето. Каникулы.

Она отшвырнула стул, оказавшийся на ее пути, и пошла из комнаты. Делать было решительно нечего. Не книжки же читать...

Если бы светило солнце, можно было бы пошляться по улице, встретить кого-нибудь, на лавочке посидеть, на прохожих поглазеть. А сейчас даже смотреть не на кого – все под зонтами. Прячут носы, боятся промокнуть...

В коридоре ей под ноги попала Ленкина кукла. Это сейчас она принадлежала младшей сестре, а когда-то была любимой Танькиной игрушкой и носила гордое имя кукла Таня. «Боже мой, какая я была глупая, – любила потом вздыхать Фролова, – давать кукле такое бестолковое имя». Свое имя она, конечно же, не любила.

Кукла было уже порядком потрепанной, с коричневыми тусклыми глазами, в голубом платье с обвисшим бантом на пузе. Губы у нее были подкрашены фломастером, челка торчала коротким ершиком – глупая пятилетняя Ленка была убеждена, что волосы у кукол растут, вот и отстригла ей челку. До сих пор, наверное, ждет, когда прическа у игрушки станет прежней.

«У всех сестры как сестры, у одной меня непонятно что!»

Эта фраза тоже относилась к разряду часто повторяемой. При этом надо было встать в позу – выставить правую ногу вперед, тяжело вздохнуть, всплеснуть руками и проникновенно заглянуть в глаза собеседника. Собеседник при этом начинал активно кивать головой.

Танька секунду постояла над игрушкой, наливаясь злобой, поддела куклу мыском тапочка и заорала:

– Ленка, сколько раз тебе нужно говорить: не разбрасывай своих кукол по квартире! Я из-за тебя чуть не упала!

Сестра тут же появилась из кухни, подхватила любимицу на руки и после короткого размышления выдала:

– Дура ты, Танька!

– Что?

Фролову переполнило бешенство. Она метнулась за сестрой, но Ленка оказалась проворнее. Она проскочила между Танькиных рук и снова оказалась на кухне.

– Чему вас в детском саду учат! – вопила Танька, пытаясь выудить сестру из-под стола.

– Злая, злая, – Ленка отбивалась от сестры куклой, готовая вот-вот разреветься.

– Татьяна! – негромко произнесла мама.

Танька вздохнула и плюхнулась на табуретку.

И кто только придумал ее так назвать? Глупее имени не придумаешь. Ух, как ей оно не нравилось! Если бы ее звали как-нибудь по-другому, Виолеттой или на худой конец Агнетой, она бы училась лучше и наверняка была бы добрее.

Но с таким именем... Не дождетесь!

– Таня, – горестно покачала головой мама, вытирая руки о полотенце. – Перестань задевать сестру. У тебя другого дела нет?

– Есть! – с вызовом произнесла Фролова. – Я в гости иду!

– К кому? – удивилась мама. – С утра ты никуда не собиралась.

– А теперь собираюсь!

Танька пошла переодеваться.

– Купи сыра и коржиков.

Краем глаза Фролова заметила, как мама оставила в прихожей на тумбочке деньги и пакет.

Но брать она ничего не стала. Вредная Ленка и без коржиков обойдется.

От души хлопнув дверью, Танька побежала на улицу.

Бывают же неудачные дни! Все не так, как хочется! В придачу к уже случившимся неприятностям Танька еще и зонт забыла.

– Вот назло всем промокну, заболею и умру, – пробормотала она себе под нос, шагая из-под козырька подъезда.

Дождь был теплый. Он вяло падал с неба, норовя попасть Таньке как раз по макушке. Под таким даже насморка не схватишь.

– Я тебе! – Фролова погрозила неизвестно кому и пошла на улицу.

Лето... Из класса в городе остались только Макс Тихомиров и Ирка Веселкина.

Ни с кем из них разговаривать, а тем более встречаться Таньке не хотелось.

Звякнул, проезжая мимо, трамвай. Хоть какое-то развлечение!

Номера трамвая заметить Танька не успела – лобовое стекло вагона было подернуто мелкой изморосью.

Какая разница, какой номер? Если это «пятый», то она доедет до рынка и там что-нибудь придумает. Если «шестнадцатый», то вагон провезет ее по извилистому маршруту мимо домов до реки.

Фролова проскакала по лужам мимо остановки и уже подняла руки, чтобы взяться за поручни, как вдруг кто-то тронул ее за рукав.

– Не надо, не садись, – прошептал старческий голос.

– Почему это? – нахмурилась Танька.

Трамвай звякнул, предупреждая о том, что если Фролова не поторопится, вагон уедет без нее. Больше жаждущих ехать неизвестно куда не было.

– Он вне расписания. – Рядом с ней стоял невысокий ссутулившийся дед с потухшими глазами. – Дождись следующего.

– Следующий будет через год, – отмахнулась от странного предостережения Танька и взбежала по ступенькам.

– Да, следующий будет через год, – пробормотал старик, но Фролова его уже не слышала.

Двери закрылись, и, тяжело ухая, трамвай побежал вперед. Он грузно переваливался на стыках, мотая не успевшую зацепиться за что-нибудь Таньку по всему салону.

О том, что у нее нет денег, Фролова вспомнила, когда уперлась взглядом в малоприметную старушку, устроившуюся на высоком сиденье.

– Платим за проезд, – хихикнула старушенция, встряхивая у себя на животе потертую коричневую сумку с деньгами.

– Я из многодетной семьи, – брякнула Танька первое пришедшее в голову.

– А документик? – прищурилась старушка.

– Дома оставила, – отмахнулась от нее Фролова и села, давая понять, что говорить ей с контролером больше не о чем. – И вообще дети могут ездить бесплатно!

– Ну да, ну да. – Бабка снова встряхнула сумку, тяжело звякнув мелочью. – Езжай, деточка, тебе и без денег можно. За такой проезд плату не берут.

Танька фыркнула. Древним бабкам надо дома сидеть, а не в трамвае кондуктором работать. А то несут всякий бред.

Старушка продолжала сверлить Таньку взглядом. Фролова даже обернулась посмотреть, не кажется ли ей все это...

Бабка, мило улыбаясь, смотрела на нее в упор.

– Ты ведь седьмой класс закончила? – неожиданно спросила она.

Танька кивнула и беспокойно заерзала на сиденье. На второй остановке все вышли, и теперь в вагоне они были с бабушкой одни.

– От-куда вы знаете? – запнувшись на первом слове, спросила Танька.

– А здесь случайные люди не ездят.

Фролова глянула в окно и, к своему ужасу, не узнала места.

– А какой это номер? – забеспокоилась она. – «Пятый» или «шестнадцатый»?

– Какая разница? – подняла сухонькую лапку старушка и снова захихикала.

Танька поняла, что эта старушенция ее просто бесит, и пошла к выходу.

– Ты еще не приехала, – всполошилась бабка.

– В следующий раз, – сквозь зубы пробормотала Фролова, спускаясь по ступенькам.

Будет она ездить непонятно с кем! Можно подумать, у нее времени хоть отбавляй, чтобы со всякими психами ездить...

– Стой! – Бабка проявила невероятную прыть: слетела с лавки и кинулась за Танькой. – Мы же за тобой приехали! – Цепкие пальцы ухватились за рукав. – У нас на тебя наряд!

– Какой еще наряд? – Силища у старушенции оказалась о-го-го! Вроде божий одуванчик, а хватанула так, что руку свело.

– Вернись на место! – прошипела бабка.

– Вы тут совсем с рельсов сошли? – заволновалась Танька и забарабанила в дверь. – Открывайте! Я свою остановку проехала!

– Нет здесь остановок, – была бабка, из милой старушенции превращаясь в Бабу Ягу. – У тебя транзит до самого конца!

Фролова почувствовала, как какая-то нечеловеческая сила втаскивает ее обратно в вагон, и впервые за всю эту сумасшедшую поездку испугалась.

– А ну, пусти! – завопила она.

Вагон дернулся. Танька вместе с бабушкой повалились обратно к подножке. Потом трамвай дернулся еще раз. Фролова кувырком пролетела по ступенькам, над головой у нее кто-то зашипел, словно она попала в гнездо змей. В лицо дохнуло дождем, и она оказалась сидящей в луже.

Обиженно захлопнув двери, трамвай побежал вперед. Танька растерянно смотрела ему вслед.

В заднем стекле показалась маленькая головка. Круглая мордашка, выющиеся локоны и косо отрезанная челка.

– Это же... – выскочила из лужи Фролова.

То, что она увидела, действительно было похоже на Ленкину куклу. И челка точно так же отрезана...

Танька до того была удивлена случившимся, что чуть не налетела на распахнутую дверь.

– Ой! – Она отскочила в сторону и столкнулась с манекеном. Деревянная подпорка сломалась, и вся сложная конструкция повалилась на землю.

– Ходить не умеешь, что ли?

Около двери, которую Танька только что чуть не протаранила лбом, стояла высокая полная женщина в каком-то странном платье до земли и со сложной многоуровневой прической.

– Что застыла? – Голос у женщины был несколько грубоват, но говорила она спокойно. – Поднимай, что уронила, и неси внутрь.

Если бы Фролова не была оглушена падением из трамвая, она ни за что бы не послушалась женщину. Будет она какие-то манекены таскать? Но встреча с лужей сделала ее более миролюбивой, да и женщина на нее явно не собиралась ругаться. Поэтому Танька без лишних слов подхватила легкую картонку и понесла в дом.

От входа вверх бежали полустертые каменные ступени. Тащить манекен было неудобно, он постоянно задевал ногами, как будто специально подставлял мыски под выступы лестницы.

– Тяжелый, – пропыхтела Танька и оступилась, чуть не выпустив ношу из рук.

– Карлуша, не хулигань, – произнесла женщина, и нести сразу стало легче.

На верхней площадке Фролова прислонила манекен к стене и только потом его рассмотрела. Это было вырезанное из картона в человеческий рост изображение пацана лет восьмидесяти. Этот пацан был невысокий, худой и какой-то болезненно бледный. Узкое красивое лицо, брови надменно хмурятся, узкие губы сжаты в тонкую полоску.

– Бледность у него теперь на всю жизнь, – вздохнула у Таньки за спиной женщина, видимо, проследив за ее взглядом. – Эти изверги посадили его в темную комнату и продержали там шесть месяцев!

– А потом? – Вопрос сам собой сорвался у Таньки с языка, хотя для начала не мешало бы выяснить, кого и за что сажали.

– Одни говорят, что он умер от золотухи, другие – что сбежал. Но больше его никто не видел.

– А кто он?

– О, это долгая история... – Женщина сделала жест, приглашая Таньку пройти в большой зал.

Около входа Фролова остановилась. Прямо на нее смотрел тот же самый мальчишка. Те же тонкие черты лица, тот же нахмуренный лоб. Только в плечах он оказался еще худее, чем был изображен на манекене.

В первую секунду Таньке показалось, что перед ней живой пацан, только очень бледный. Мертвенно-бледный. Его кожа была белой-белой, без единой прожилки. И стоял он неестественно ровно. Ни один нормальный парень долго так не простоит.

– Мама! – Крик вырвался у Таньки откуда-то изнутри. Она бросилась обратно к лестнице, но у нее на пути оказалась женщина. Тогда Танька заметалась на маленьком пятачке, между женщиной и парнем, стараясь не смотреть на... мертвеца!

Парень был мертвым!

Да, самый настоящий труп. Чем еще объяснить восковую белизну?

– Именно этим и объяснить, – словно прочитав мысли, женщина мягко взяла Таньку за руку. – Это восковая фигура. Неужели ты думаешь, я буду набивать трупы соломой и выставять на всеобщее обозрение, как это делают в зоологическом музее? Фу, как это негуманно. – Женщина подошла к мальчику и погладила его по голове. – Это Карл-Людовик, сын французского короля Людовика XVI. Я надеюсь, ты хорошо изучала историю и знаешь, что Людовика XVI казнили во время Французской революции, а его сына Карла посадили в крепость Тампль, где полгода держали в темной комнате. Он умер от золотухи. Бедный малыш, я его больше всего люблю.

Только сейчас Танька смогла оглядеться. В зале в разных позах замерли другие фигуры. И все они были так же бледны.

– Так это что же, музей восковых фигур? – начала потихонечку приходить в себя Фролова. – А я и не знала, что у нас в городе есть такой музей.

– Что ты, он здесь давно. – Женщина махнула рукой и ласково улыбнулась. – Сегодня дождь, посетителей нет. Хочешь, я проведу тебе персональную экскурсию?

Что за вопрос? Конечно, Танька хотела. Она опустила руку в карман, где звякала мелочь – рубль в общей сложности. Экскурсия в музей наверняка стоила дороже.

– Это бесплатно, – еще шире заулыбалась женщина. – Как я могу брать деньги с такой милой девочки. – Она взяла Фролову за подбородок и заглянула ей в глаза. – Ты мне понравилась, и я хочу сделать тебе подарок.

Танька насторожилась. Подарок, конечно, хорошо. Но обычно за все подарки приходится платить.

– Меня зовут Мари, – величественно произнесла женщина, проходя по комнате. – И все это принадлежит мне! – Она провела рукой над головой, давая понять, что не только эта комната, но и весь дом от подвала до чердака – ее. – Ты слышала что-нибудь о Музее Тюссо в Лондоне?

Танька почувствовала себя стоящей у доски, когда учитель задает вопрос и ты вроде что-то об этом слышал, но ничего конкретно сказать не можешь. На всякий случай Танька кивнула, надеясь, что женщина не будет уточнять глубину ее знаний.

– Это крупнейший музей восковых фигур, – в голосе женщины зазвучала гордость. – И первыми его героями стали люди, казненные во время Французской революции.

– Как это? – Танькино желание посмотреть Музей стало медленно испаряться.

– Очень просто. – Женщина не переставала добродушно улыбаться. – Людям отрубали головы, мадам Тюссо делала с них посмертные восковые маски, долепливала все остальное и выставляла на всеобщее обозрение. Кстати... – Танька уже твердо решила сматываться, но тут женщина мягко взяла ее за руку. – До того как заняться этим делом, мадам была воспитателем детей короля, того самого, что потом казнили, Луи XVI и его жены Марии-Антуанетты. Ей тоже отрубили голову.

– Какой ужас! – вырвалось у Фроловой. Что-то больно много покойников получалось.

– Еще бы! – поддержала ее женщина. – Сначала воспитывать, а потом делать с них посмертные маски.

Тут Танька вспомнила фигуру мальчика. Как его там... Карлуша.

– Да, да, – снова прочитала ее мысли женщина. – Карл... Бедный мальчик. Но не будем о грустном! Посмотри на мою коллекцию! – Мари широкими шагами прошла по комнате. – У меня тоже есть кое-что интересное. Это семья последнего российского царя. Николай II с женой Александрой Федоровной и детьми. Младшему, Алексею, 14 лет. – Танька мелькомглянула на застывшие как на фотографии наряженные в странные одежды фигуры. – Это друг венценосного семейства Распутин, его сначала пытались отравить, потом застрелить и в результате утопили. – Бородатый мужик не по-доброму косился на одинокую посетительницу. – Ну, здесь не так интересно. – Женщина увлекла Таньку в глубь большой комнаты. – Эти лица будут тебе более знакомы. Мэрилин Монро. Любовь Орлова. Чарли Чаплин.

Мари произнесла еще несколько имен, и Фролова перестала ее слушать. Она уже стояла в самом дальнем углу этого странного музея. Со всех сторон ее обступали восковые фигуры. Они смотрели на нее остановившимися глазами. Неподвижность лиц, мертвенная белизна щек. Танька переводила взгляд с одного лица на другое, и ей казалось, что остановившиеся глаза вот-вот оживут, а искусно подкрашенные губы растянутся в улыбке. Стоял бы здесь какой-нибудь Шварценеггер или Павел Майков... Ну, хоть один популярный сейчас актер, а главное – живой, не так было бы неуютно. Но вокруг нее были фигуры уже умерших людей. И чем дальше, тем больше Фроловой становилось не по себе.

Танька попятилась. Ее взгляд зацепился за что-то странное. Она обошла стороной нежно улыбающуюся Любовь Орлову.

В углу около батареи сидела кукла. Рядом с гигантскими фигурами она казалась совсем крошечной. Но Танька-то знала, что кукла не такая уж и маленькая. Ее головка как раз поме-

щается в ладони, а ростом она с локоть. Вздернутый носик, пухлые губки. И челка, которую отстригли в надежде, что она отрастет заново.

Кукла подняла длинные искусственные ресницы. Губы ее дрогнули, готовые вот-вот раскрыться в улыбке.

Танька бросилась обратно, но ее неожиданно ослепила яркая вспышка. Девочка завизжала. Сквозь собственный крик она расслышала легкий смех женщины.

– Что ты? – все так же ласково пел голос. – Это всего лишь фотоаппарат.

Когда Танька проморгалась и вытерла наворачнувшиеся на глаза слезы, то смогла рассмотреть приветливое лицо хозяйки.

– А вот и подарок, – нежно пропела Мари, размахивая перед ее носом какой-то картонкой. – У тебя будет своя восковая фигура!

Танька испуганно замотала головой. Этого только не хватало!

– Не бойся, – догадалась женщина о ее испуге. – Тебя пока никто не собирается убивать! Я сделала фотографию. – Она снова сунула под нос своей единственной посетительницы картонку. – Этого мне вполне достаточно.

На полароидном снимке была видна перекошенная от страха Танькина физиономия. Вспышка ударила ей прямо в лицо, от этого оно приобрело веселенький белесый цвет.

– Я думаю, вы с Карлушей подружитесь, – продолжала щебетать женщина. – А то мальчику грустно одному среди больших дядь и тетей.

– Я с мелюзгой не вожусь, – огрызнулась Танька, примериваясь, как бы улизнуть отсюда.

– Да, Карл для тебя маловат, ему всего восемь, – согласилась женщина. – Я тебя познакомлю с кем-нибудь из великих княжон, дочерей Николая II. А кавалером тебе будет Павел II. Когда он умер от оспы, ему было как раз пятнадцать лет. Такой возраст тебе подойдет?

– Я не дружу с покойниками! – выкрикнула Фролова, поворачиваясь к выходу.

– А с кем же тебе теперь дружить? – удивленно спросила женщина.

Но Танька решила, что для нее на сегодня экскурсий достаточно. Она скатилась с лестницы, с трудом открыла тяжелую входную дверь и шагнула под дождь.

Дверь самостоятельно захлопываться не собиралась, и Фролова, натужно пыхтя, стала закрывать ее. На глаза ей попалась вывеска.

«Спешите! Впервые! Лондонский Музей мадам Тюссо открывает свой филиал».

– Почему Лондонский? – От удивления Танька забыла, куда собиралась бежать. – Она же во Франции жила!

– В Лондоне тоже любили убивать своих правителей.

Голос раздался у Таньки за спиной, а значит, со стороны улицы. Мари не могла пройти мимо Фроловой незамеченной. Ей бы пришлось открывать и закрывать тяжелую дверь.

Волна ужаса захлестнула Таньку. Девочка помчалась прочь от этого страшного дома.

И встретила с трамваем.

Он вынырнул из-за угла совершенно бесшумно. Ни грохота, ни трезвона Танька не слышала. Вагон просто надвинулся на нее огромной темной массой, и она перестала что-либо видеть и чувствовать.

Когда темнота рассеялась, она увидела, что лежит в вагоне на полу. Трамвай вздыхал и переваливался на стыках путей. Спиной она ощущала, как скребутся старые проржавевшие детали друг о друга.

Вокруг Таньки лежали и стояли давно забытые ею вещи. Вот старые санки, из которых она когда-то выломала все прутья. Вот плюшевый мишка, на котором она экспериментировала с уколами, таблетками и перевязками. Даже пыталась кормить его и ставила клизму. Кажется, потом мишка куда-то делся. Может, обиделся и ушел?

– Она проснулась! – раздался тоненький голосок, и к Танькиным глазам подъехала грузовая машина с одним колесом. Двигалась она медленно, тяжелый кузов волочился по полу, пустая передняя ось оставляла бороздку. – Теперь ты за все ответишь!

Грузовичок попытался наехать на Таньку, но запутался в ее куртке и замер. Фролова щелчком пальцев перевернула машинку и села.

Вагон был набит ее старыми поломанными игрушками. Ближе всех на диванчике сидела кукла с отрезанной челкой – та, что когда-то была ее любимой игрушкой, и звали ее Таней. В те далекие времена это имя Фроловой еще нравилось, и она всех так называла. У нее был зеленый плюшевый бегемотик Танюша. Грузовичок звали Татьяна. Даже комнатный цветок носил имя Танечка. Вскоре это имя Фроловой перестало нравиться. Грузовичок был безжалостно разломан, а цветок совершенно случайно выпал из окна. Когда кукле Тане сестра отстригла челку, Фролова сильно расстроилась. А потом решила, что это даже хорошо – у куклы с таким именем красивой прически быть не может.

И вот сейчас эта кукла Таня сидела перед Фроловой и глупо хлопала ресницами.

– Тебя тут только не хватало, – попыталась отмахнуться от нее Танька. – А ну, убирайся отсюда! И вообще! Куда мы едем? Мне домой пора!

Холодные ярко-карие глаза еще пару раз закрылись пластмассовыми веками, и вдруг лицо куклы ожило. Маленькие пухлые губки открылись, демонстрируя пустой провал рта.

В Таньке вновь шевельнулись нехорошие предчувствия. Она обвела взглядом недружелюбно смотрящие на нее игрушки.

– Э, чего это вы? – попятилась она ближе к выходу. – Что вы тут делаете?

– Тебя везем!

– Везем!

– Везем! – раздалось из кучи игрушек.

– Куда?

Танька подбежала к окну. Позвякивая и погромыхая, трамвайчик ехал через какое-то поле. Сквозь дождевые капли на стекле виднелись редкие деревья. И до горизонта больше ничего не было.

Перепрыгнув через вставший у нее на пути грузовичок, Танька бросилась к машинисту. Она еще не добралась до перегородки, как хриплый голос запел:

*«Голубой вагон бежит-качается.
Скорый поезд набирает ход...»¹*

Ноги помимо Танькиной воли сделали последние два шага.

За перегородкой в кресле удобно расположился зеленый бегемотик по имени Танюша. Передние лапы он положил на приборную доску. Из-под форменной фуражки со значком, на котором были скрещены два молоточка, торчали уши и страшно довольные глаза.

– Лево руля! – взвизгнул бегемотик.

Вагончик дернуло вправо, и из распоротого брюшка бегемотика повалилась вата. Увидев это, Танька вспомнила, какая участь постигла бывшую любимицу Танюшу, и вернулась в салон.

– Выпустите меня отсюда, – жалобно попросила она, теряя последние остатки храбрости. – Я больше не буду.

– Не будешь, – дружно подхватил хор игрушек. – Потому что ты теперь сама станешь игрушкой!

¹ Из песни на слова Э. Успенского.

Вагон снова дернулся. Со стороны машиниста раздался оглушительный крик: «Тормози!» Танька ухватилась за поручни, но ее сбило с ног шквалом навалившихся игрушек. От сильного удара двери распахнулись, и Фролова выпала на улицу.

Позвякивая и помигивая огоньками, трамвай понесся дальше. В последнем окне показалась голова куклы Тани.

– Так я с вами и поехала, – пробормотала Танька, вставая с земли. – Нашли дурочку! – Она погрозила кулаком вслед исчезнувшим красным огонькам. – Вы меня так просто не достанете! Чтобы какие-то старые куклы испортили мне жизнь!

К Фроловой вернулась отошедшая было на минутку храбрость.

Теперь-то ее точно никто и ничто не напугает.

Танька резко развернулась на пятках и потопала по трамвайным путям обратно в город. Первые несколько минут шла она быстро и уверенно. Но вокруг ничего не менялось, рельсы все бежали и бежали через пустое поле с чахлыми кустиками.

– И долго мне так идти? – возмущенно топнула ногой Танька, на секунду почувствовав себя Алисой в Стране чудес. Сейчас по всем законам сказки из воздуха должен соткаться Чеширский Кот, который предложит отправиться направо, к Оболванившемуся Шляпнику, или налево, к Мартовскому Зайцу.

Но на брошенный в воздух вопрос никто не ответил. Только неприятный ветерок подул, да горизонт подернулся туманом.

Танька остановилась.

– Я, наверное, не туда иду, – решила она, поворачивая в обратную сторону.

Но идти обратно оказалось тяжело. На Таньку медленно наплывал туман. В серой пелене не видно было даже ног. Поэтому неудивительно, что Танька не заметила идущего ей навстречу человека. С лету она врезалась в него, и тот плашмя упал на землю.

– Под ноги надо смотреть! – заранее свалила всю вину на неизвестного Танька. – Куда вы хоть идете? – смягчилась она. Неизвестный пока не подавал признаков жизни. – Эй, вы что, померли?

Туман стал совершенно непроглядным, так что упавшего Таньке пришлось искать на ощупь. Она нащупала странно одеревеневшую руку, гладкое неподвижное лицо. И уже догадавшись, кто это может быть, взвизгнув, отпрянула назад.

– Ну что ты, это же Карлуша, – пропел у нее над головой мягкий голос Мари. И из тумана медленно поднялась восковая фигура мальчика. – Не бойся его.

С криками Танька бросилась в туман, споткнулась и полетела в темноту.

Первым к ней вернулся слух. Кто-то прямо над ухом противно лязгал, словно ножницами отрезал что-то хрусткое. Фролова шмыгнула носом и открыла глаза.

Над ней склонилась кукла Таня. Глаза у нее были полны внимания и сосредоточенности. Хррум.

Танька чуть повернула голову и ахнула. Кукла обеими руками держала огромные портняжные ножницы. И этими ножницами резала Фроловой волосы.

– Ты что делаешь? – ахнула Танька, отшвыривая ножницы подальше от себя.

– Не шевелись, – угрюмо пробормотала кукла, еле шевеля губами. – А то я не смогу доделать свое дело.

– Иди ты со своим делом знаешь куда? – орала Танька, стараясь рассмотреть понесенные убытки – полголовы у нее было беспощадно выстрижено.

– Волосы надо отрезать, – упрямо твердила кукла, возвращаясь с ножницами. – Так всегда делают перед казнью.

– Перед чем? – Фролова перестала дергаться и уставилась на Таню. – Ты что это тут несешь?

– Когда рубят голову, волосы всегда стригут, – жестко произнесла кукла и для подтверждения своих слов щелкнула ножницами.

Танька в панике обернулась.

Хррясь!

Тяжелое лезвие пронеслось по деревянным желобкам и ухнуло вниз.

Гильотина!

– Что это вы выдумали? – От испуга Танька икнула. – Отстаньте от меня!

Она бросилась прочь, но что-то еще привлекло ее внимание в этой странной комнате.

Около двери с одной стороны замерла восковая фигура Карла-Людовика. А с другой стоял кто-то знакомый. Танька стороной обошла постоянно падающего Карлушу и приблизилась ко второй фигуре.

Это была девчонка лет тринадцати. В кроссовках, джинсах, испачканных на коленях, в вытянутой майке и серой куртке с надписью Nike. Капюшон куртки был надвинут на глаза. Из-под капюшона торчал короткий курносый нос, виднелись покусанные губы.

Отлично понимая, что ничего хорошего она сейчас не увидит, Танька медленно подняла руку и откинула с головы фигуры капюшон. На секунду Фроловой показалось, что к ней поднесли зеркало. Она посмотрела в свои серые глаза, машинально поправила растрепавшиеся короткие русые волосы. Когда отражение перед ней не шевельнулось, наваждение с зеркалом улетучилось.

– Мама! – завопила Танька, шарахаясь прочь от своего двойника.

– Понравилось? – В дверях появилась Мари. – Это моя лучшая работа. Помнишь фотографию? Я очень старалась.

– Но у вас в Музее выставлены только мертвецы! – прошептала Фролова. До нее только сейчас дошел весь ужас ее положения. Она заметалась по залу, тщетно пытаясь вспомнить, где выход. – А я живая! Слышите, живая! – Танька остановилась около Мари. – Немедленно уничтожьте эту куклу! – потребовала она, стискивая кулаки. – Сожгите ее!

– Ну и что, что живая, – пожала полными плечами женщина. – Это же временно. Сейчас живая, через пять минут – нет. Раз есть копия, оригинал не нужен.

Хррясь!

Опустилось лезвие гильотины.

Хррям.

Щелкнули ножницы.

– Все как в той сказке, – лицо Мари уже не выглядело добрым и приветливым. – Любимая дочка не помогла Дедушке Морозу, и тот ее заморозил. Твой приговор: за грубость, злость и жестокость я приговариваю тебя к смерти. Поверь, люди умирали и за меньшие прегрешения.

Хррр.

Лезвие гильотины поползло вверх.

– Мама! – заорала Танька.

Хррясь!

Лезвие полетело вниз.

Глава II

Охота на кошек

Танька шмыгнула носом и громко отхлебнула чай из большой чашки.

– Все, что ты говоришь, чушь! – По огромной кухне туда-сюда вышагивал Макс Тихомиров. Но был он такой высокий, что даже эта кухня казалась для него маленькой.

Танька смутно помнила, как выбралась из Музея, как, налетая на людей, бежала по улице и как совершенно случайно встретила своего одноклассника Макса.

– У нас в городе нет Музея восковых фигур. В Питере есть, а у нас нет. Поняла?

Танька снова всхлипнула и повторила фразу, которую твердила последние полчаса.

– Меня хотят убить!

– Фролова, кому ты нужна?

– Я боюсь.

Макс остановился, тяжело вздохнул и в сотый раз пожалел, что стал ей помогать.

На улице Танька чуть не задушила его. Она вопила что-то о куклах и убийцах, при этом мертвой хваткой держалась за рукав тихомировской куртки. Пришлось Максу вести ее к себе домой и отпаивать чаем. Его куртка, как спасательный круг, все еще лежала у Таньки на коленях.

– Все дети ломают игрушки. – Макс говорил громко, четко проговаривая слова, словно от испуга Танька могла потерять слух или перестала понимать русскую речь. – Если бы эти игрушки действительно мстили, ни один человек не дожил бы до конца школы. Ты меня поняла?

Танька кивнула и снова опустила нос в чашку. Она все понимала, но недавние события были такими яркими, что принять их за простую фантазию было невозможно.

– Ты мне просто не веришь, – прошептала она.

– Ну, ты совсем больная! – в очередной раз вздохнул Тихомиров. – Во что я должен верить? В то, что с тебя сделали восковую фигуру? В то, что кукла стригла тебе волосы?

Танька машинально протянула руку к макушке. С прической – если можно назвать прической то, что было у нее на голове, – оказалось все в порядке. Это Таньку окончательно расстроило, и она заплакала.

– Слушай. – Макс уже проклинал себя за то, что связался с Фроловой. – Если все так плохо, иди в милицию, расскажи родителям.

Танька отрицательно покачала головой. Если ей не верил Макс, то в милиции ее и подавно примут за ненормальную.

Но она не сумасшедшая! Это все было! И трамвай. И полоумная кондукторша. И Мари со своим музеем. И Карлуша...

– А как же Карл-Людвиг? – ухватила за последнюю мысль Танька. – Я же раньше про него не знала. А теперь знаю. Откуда?

Макс остановился напротив Фроловой. Одну руку он положил на спинку ее стула, другую на стол и пристально посмотрел ей в глаза.

– Нам об этом говорили на уроке истории, – как заклинание стал произносить он. – После падения ты об этом вспомнила.

– Не знаю я ничего про Французскую революцию! – радостно завопила Танька, вскакивая. – Болела я тогда!

– Фролова, ну чем ты хуже других? – Тихомиров опустил на ближайшую табуретку и устало сторбился. – Я тоже в детстве ломал паровозы. Что же, мне теперь судьба под электричкой погибнуть?

Танька плюхнулась обратно на стул и с тоской посмотрела на Макса. Помогать он ей явно не собирался. И вообще ничего Тихий – так иногда Макса звали в классе – делать не хотел. Даже если Фролова начнет помирать у него на глазах, он так и будет вышагивать по кухне и с умным выражением лица говорить всякую ерунду. У, зануда!

– Сволочь ты, Тихомиров. – Танька отпихнула от себя чашку. Чай плеснулся на стол. – И фамилия у тебя соответствующая. По тебе – все должно проходить тихо и гладко.

– А что я могу сделать? – Макс был все так же невозмутим. – Встать на голову? Или позвонить Охотникам на привидений?

Танька встала, опрокинув стул, и пошла по коридору к выходу.

– Сумасшедшая! – долетело до нее из кухни.

Это слово заставило ее так шарахнуть входной дверью, что стекла в подъезде зазвенели. От злости она забыла про свой страх, в открытую шагая по улице.

Много бы Фролова сейчас отдала, чтобы на голову вредному Тихомирову что-нибудь свалилось.

– Позолоти ручку, погадаю, – противно проскрипел голос за спиной, и Танька чуть не завизжала от испуга, решив, что ее сейчас опять поведут в Музей восковых фигур.

– Ты чего орешь?

Невысокий старик, больше похожий на бомжа, сам испуганно отскочил в сторону.

– А вы чего ко мне пристаєте? – огрызнулась Танька, собираясь пройти мимо. – Некогда мне!

– На свою жизнь у человека никогда нет времени, – произнес старик загадочную фразу и замер, ожидая Танькиной реакции.

– Сегодня в психушке День открытых дверей? – через плечо бросила она. – По улице одни ненормальные ходят.

– Я знаю, где ты только что была. – В голосе старика появились нотки сказочника, рассказывающего свою самую любимую историю.

– В этом доме, – Танька кивнула на подъезд, из которого вышла. Старик ее начинал раздражать.

– В Музее. И тебе там сделали подарок.

Фролова успела пройти несколько шагов, прежде чем слова незнакомца дошли до нее.

– Что? – Она так резко повернулась, что в шее у нее что-то хрустнуло.

Около подъезда никого не было.

– Какого черта?..

– Тебе нужно опасаться транспорта со звоном, грустных воспоминаний и дамы из прошлого.

Старик оказался у Таньки за спиной.

– И не стоит ни у кого искать помощи, – многозначительно добавил он.

– Откуда вы знаете, что я была в Музее?

– Дай денежку, я тебе еще и не такое скажу.

– Нет у меня денег. – Танька в который раз пожалела, что не согласилась сходить за хлебом – тогда деньги были бы наверняка.

– Поговорим в следующий раз. – Улыбка исчезла с лица старика. Он сгорбился и, перешагнув через низкое ограждение, пошел вдоль дома.

– Подождите! – Танька начала лихорадочно соображать, что бы такое дать жадному старику, чтобы он не уходил. От волнения она стала грызть ноготь на руке и заметила блеснувший зеленый камешек. – Возьмите мое кольцо! Оно совсем новое!

Про то, что кольцо новое, Танька, конечно, соврала. Колечко она носила уже года два, и оно ей жутко нравилось. Но граненый зеленый камешек блестел как новенький, и ее вранье вполне могло пройти.

– Ну что же... – Старик мгновенно оказался около Таньки и со вздохом посмотрел на ее украшение. – Не богато...

Он взял ее за безымянный палец, на котором так уютно сидело колечко, и вдруг перевернул кисть ладонью вверх. Грязный палец уткнулся в одну из линий.

– У тебя наступают тяжелые времена. Впереди тебя ждет неожиданная встреча. Берегись пролетающей над головой птицы. Если ты переживешь сегодняшний день, то жизнь у тебя будет долгая и счастливая.

Танька до того опешила, что не заметила, как старик вновь перевернул ее кисть. На пальце колечка уже не было.

– Дождь сегодня будет, – вздохнул предсказатель и посмотрел на пасмурное небо.

Фролова тоже задрала голову. Тучи по небу бежали, но ливший до этого два дня подряд дождь, как ни странно, перестал, и где-то между тучами уже пробивались солнечные лучи.

– Какой дождь? – возмутилась Танька. – Эй, подождите, а делать-то мне что? Как от всего этого избавиться?

Она не ожидала, что старик отзовется. Но он остановился. Постоял, раскачиваясь с мыска на пятку. А потом повернулся и с задумчивым выражением лица пробормотал:

– Тебе надо поймать кошку, искупать ее в трех водах. Последней водой обрызгать все вокруг себя. Ночь спать с закрытым окном. И ни в коем случае не смотреть на белые машины.

Старик уже давно ушел, а Танька все еще стояла, мысленно повторяя его слова. Больше всего ее волновало предсказание о неожиданной встрече и пролетающей над головой птице. Какую опасность несут птицы, Танька еще могла представить. С неожиданной встречей было сложнее. Шел второй месяц каникул, и за это время ничего неожиданного с ней не произошло. Если, конечно, не считать посещение Музея.

Колечка было жалко. Фролова была убеждена, что отдала его зря – старик был больше похож на психа, чем на настоящего предсказателя. Птицы, машины... Третья вода... Бред сумасшедшего – только и всего. Пока единственный, кто мог объяснить происходящее, была кукла Таня. Все беды начались именно с нее, с утреннего столкновения в коридоре. Не окажись кукла на полу, Танька не поругалась бы с сестрой и не отправилась бы от злости на улицу. Хотя особого повода ругаться им и не надо – занимались они этим с Ленкой постоянно.

Итак, сначала нужно поговорить с куклой Таней!

Фролова решительно дошла до улицы, пропустила пару белых легковушек, спешащих проехать на желтый свет, и только потом вспомнила о предостережении.

– Кошка... Не смотреть на белые машины...

И как назло, рядом с ней остановилась белая «Газель» с крупными красными буквами на борту. Танька секунду тупо смотрела на ее блестящий бок, потом закрыла глаза и перестала дышать.

– Эй, девочка...

Судя по звукам, водитель машины вышел из кабины и направился в Танину сторону. Фролова замотала головой, еще больше зажмурилась и сделала несколько неуверенных шагов вперед.

– Девочка!

Танька зашагала прочь, как ей показалось, в противоположную сторону от дороги, налетела на «Газель» и расстроено подняла веки.

– Понаставили тут, – зло прошипела она, потирая ушибленный лоб.

Первое пророчество сбылось – встреча с машиной не принесла ничего хорошего.

– Смотри, куда идешь! – Водитель, усатый хмурый дядька, любовно погладил протаранный Танькой борт машины.

Фролова, высунув язык, скорчила злую рожицу.

Вот тебе и неожиданная встреча...

Только сейчас она разглядела, что на машине крупными буквами было написано «Цирк зверей и птиц».

– Долго еще? – Задняя дверь в «Газели» открылась, и оттуда вышел высокий худой парень. – Сколько можно ездить?

За его спиной кто-то пронзительно заорал, и из дверей вылетел огромный разноцветный попугай.

– Лови! – Парень подпрыгнул, его пальцы скользнули по блестящему хвосту птицы.

– Ой, птичка, – обрадовалась Танька.

Попугай услышал ее крик и, заложив широкий вираж, полетел в сторону Фроловой.

– Берегись!

Попугай издал победный клич. Танька до того была удивлена случившимся, что стояла, задрав голову и открыв рот.

«Опасайся пролетающей над головой птицы!»

Но было поздно. Попугай захлопал крыльями прямо у Таньки над головой и, выбросив вперед лапы с острыми когтями, приземлился ей на макушку. Фролова не успела и охнуть, как прямо перед своими глазами увидела большущий загнутый вниз острый клюв. Клюв раскрылся, показав фиолетовый обрубок языка.

– Ап! – прокричали у Таньки над ухом.

И попугай, оцарапав ее жесткими крыльями, совершил кульбит через голову. В следующую секунду он оказался в руках запыхавшегося парня.

– Ап, Федя! – рывкнул он на попугая, и огромная птица послушно совершила еще один кульбит. – Место! – Попугай полетел к клеткам.

– Девочка! – Голос водителя заметно дрожал. – Где здесь Ореховая улица?

В ответ Танька только замотала головой и бросилась бежать через дорогу.

Если Фроловой и угрожала белая машина, то сейчас у этой машины были все шансы ее сбить. Но этого не произошло. Через несколько минут она стояла около своего дома.

– Кошка, кошка... – лихорадочно бормотала Танька. – Чертов старик! Дурацкий день!

Она перебрала в голове пророчества. Все, что должно было случиться, случилось – четко по предсказаниям. Ей осталось найти кошку и как-то пережить сегодняшний день.

– Кошка, кошка...

Двор как раз перебежал серый зверь.

– Стой!

От крика кошка вздрогнула и нырнула под машины.

– На, на, на... – Танька протянула вперед руку, словно хотела угостить зверя.

Но кошка оказалась умной и из-под машины не показалась. Танька подняла глаза, увидела перед собой белый борт автомобиля и тяжело вздохнула.

– Что такое не везет и как с этим бороться? – пробормотала она, снова оглядывая двор.

В любое другое время у нее бы под ногами путалось десяток разных кошек, но когда они нужны, не было ни одной.

– А ну, появляйтесь, – крикнула Танька в пустоту двора и стукнула кулаком по капоту машины. Машина тут же отозвалась жалобным воем сигнализации.

– Что же это такое? – Фролова по-воровски оглянулась и, пригибаясь к земле, вдоль кустов побежала вон из двора.

Потом она сидела на лавочке около соседнего дома и злилась на весь свет. Лавочка была влажная от дождя, джинсы у нее давно промокли, но из вредности Танька не вставала, а только еще больше бесилась.

– Все кругом гады! – сделала она вывод и грустно посмотрела на ближайшие кусты.

Там кто-то зашевелился, и сквозь ветки показалась печальная маленькая мордочка.

Танька замерла, а когда весь зверек выполз из куста, брезгливо поморщилась. Это оказался страшно грязный котенок, которого совершенно не хотелось брать в руки. Не хватало еще притащить в дом неизвестную блохастую зверюгу.

Танька решительно встала и повернулась спиной к котенку. Она вспомнила, где можно достать нужного ей зверя. У Ирки Веселкиной.

За шесть лет учебы все уже устали шутить над Иркиной фамилией. Ну, не повезло человеку, бывает. С такой фамилией даже кличку было тяжело придумать, но класс очень старался, и в конце концов за Ирккой закрепилось прозвище Килька. И все из-за того, что однажды на уроке географии она не смогла выговорить название горы Килиманджаро. Первый день так и дразнили «Килиманджаро – хвост поджало...» А потом сократили до короткого Килька. Ирка обижалась. За нее пару раз вступался старший брат. Но кличка прикипела к ней. Да еще к седьмому классу из пухлой девочки она превратилась в настоящую кильку, высокую и тощую.

Больше всего на свете Ирка любила кошек. Она их подбирала на улице, отмывала, откармливала и отдавала «в хорошие руки». Из-за этих кошек Веселкина не могла никуда уехать на лето – своих любимцев она никому не доверяла.

Сейчас у Кильки жили две кошки. Одна иссиня-черная с пронзительными зелеными глазами, а другая обыкновенная, полосатая, но с подбитым глазом.

Заметив, что Танька внимательно смотрит на кошек, Веселкина обрадовалась.

– Хочешь взять? – Улыбка сделала ее худое лицо еще более некрасивым.

– Мне она нужна на время, – честно призналась Танька. Хотя с нее бы случилось взять навсегда, а потом выбросить на улицу. Но жили девушки рядом, кошка могла вернуться к хозяйке, и вышло бы некрасиво.

– Зачем? – удивилась Килька.

– Эксперимент хочу провести, – Фролова начала с ходу выдумывать. – Если моей сестре понравится, возьмем котенка.

– Скажи мне, я вам найду самого красивого. – В Иркином голосе появились нотки профессионала.

Танька кивнула и решила, что возьмет черную. С черными всегда какая-нибудь чертовщина связана, а это как раз и нужно было. Кошку усадили в сумку, Фролова взялась за ручку двери, и эта ручка сама собой в ее руке повернулась.

В панике Танька вспомнила все свои сегодняшние кошмары и решила, что это пришли за ней, чтобы вести на казнь. В следующую секунду она уже пыталась закопаться в ванной под сорванные полотенца и халаты.

– Ага, эта сумасшедшая уже и до тебя дошла!

Танька с изумлением сбросила с головы футболку, вытащила из-под своего зада сумку с кошкой и только потом посмотрела на говорящего.

В коридоре стоял Макс.

– Ей кошка нужна, – простодушно произнесла Ирка.

Из сумки раздалось жалобное мяуканье, а потом показалась помятая черная голова.

– А метлу она у тебя не попросила? – зло спросил Тихомиров, все еще стоя на пороге. – Или инструкцию юных Гарри Поттеров?

– Она сказала, на время, – совсем умирающим голосом произнесла Килька.

– Оставь животное! – приказал Таньке Макс.

Но Фролова в ответ только язык показала.

Будет она слушаться неизвестно кого!

– Что ты с ней будешь делать? – не унимался Тихомиров. – Верхом кататься?

– Суп сварю и тебе скормлю, – огрызнулась Танька, надевая кроссовки.

– Ну, ну, – ухмыльнулся Макс, убирая ногу от двери и давая однокласснице пройти. – Посолить не забудь.

– Вот урод! – От расстройства Танька шагала прямо по лужам. Даже капюшон не натянула на голову, хотя опять пошел дождь.

Дождь!

Танька остановилась. Вода из лужи плеснулась внутрь кроссовки.

Он пошел! Не должен был, а пошел. Все так, как предсказал старик!

Она развернулась и по лужам помчалась обратно.

Дверь квартиры Веселкиной осталась открытой. Еще не разувшийся Макс топтал придверный коврик.

– Эй, ты, Буратино! – позвала его Фролова. – Лучше скажи, что за псих в твоём доме живет? Он правда судьбу предсказывает?

– Ну ты, Фролова, совсем с крышей распрощалась! – Для убедительности Тихомиров покрутил пальцем у виска. – Ты этого старика в упор видела? Это же самый обыкновенный ненормальный! – Макс схватился за край сумки. – Это он велел тебе кошку взять? Я так и подумал! Зверя отдай!

– Да иди ты! – Танька выскочила на лестничную клетку, чуть не утянув за собой Тихомирова. – Любовнички! – добавила она в захлопнувшуюся дверь.

А действительно, что Тихомиров забыл у Кильки? Явно ведь не за кошкой пришел.

– А не проследить ли за ними? – пробормотала себе под нос Танька, снова оказавшись на улице и задрав голову, отсчитала седьмой этаж, где находилась Иркина квартира.

Прямо в глаз ей упала огромная капля дождя, и Фролова решила пока засаду не устраивать. Начнется учебный год, и все станет ясно – кто с кем дружит, кто в кого влюблен.

Дома она сразу же прогнала подальше от сумки с добычей радостно взвизгивающую сестру, коротко бросила маме, что кошка нужна на время, и закрылась в своей комнате.

Даже если дед был психом, то кое-что предсказать он мог. Например, машину и попугая. Да и встреча с дрессировщиками была весьма неожиданной. И что самое удивительное, дождь пошел опять, хотя уже показывалось солнышко.

Сумка зашевелилась, и кошка осторожно вытащила одну лапу.

– Ладно, попробуем, – прошептала Танька. Уж больно ей не хотелось, чтобы события сегодняшнего дня имели какое-то продолжение.

Добровольно купаться в тазу кошка отказалась. Исцарапав Таньке руки, она вырвалась на свободу и забралась на подоконник.

– Будем считать, что это первый раз, – решила Фролова и налила второй таз воды.

Мокрая кошка оказалась на редкость скользкой. Она выскальзывала из пальцев. Даже хвост ухватить не получалось. Порядком извозившись в пыли под кроватью, кошка наконец сдалась на милость победителя. Но, оказавшись в воде, она вдруг взбрыкнула, и таз перевернулся.

– Два! – в азарте прокричала Танька и бросилась закрывать дверь. Но кошка оказалась шустрее.

– Киса, – завизжала от восторга Ленка.

– Держи!

Потерявшаяся в незнакомом месте, кошка заметалась по коридору и юркнула в другую открытую дверь – на кухню.

По грохоту Танька поняла, что кошке кухня не очень понравилась, а по маминому крику – что и квартирантам кошка тоже пришлась не ко двору.

Из кухни кошка выбралась, слегка побелев от муки, сразу же скрылась в Ленкиной комнате. Танька шагнула к сестре с тазом воды и чуть снова не пролила все на пол.

Прямо на нее осуждающими искусственными глазами смотрела кукла Таня. Кошка пряталась за спиной куклы, и глаза у нее были такими же огромными, как у игрушки.

– Опять ты! – рассвирепела Танька, с грохотом поставила таз на пол и подхватила бывшую любимицу. – Пришла мстить!

Кукла моргнула пластмассовыми веками и хрипло произнесла:

– Ма-ма.

– Не обижай ее, – подскочила Лена.

Но в Таньку словно бес вселился. Глядя в безжизненные глаза куклы, она шагнула к окну и, сильно замахнувшись, выбросила Таню на улицу.

Завизжала Ленка так громко, что всполошила рыбок в аквариуме. И сквозь этот визг Таньке почудилось, что она услышала шелестящий голос:

– До встречи!

Она повернулась к зареванной сестре.

– Хватит! – ледяным тоном приказала она. – Я тебе новую куплю. Лучше этой, с нормальной прической.

– Не хочу другую! – ревела Ленка, но Танька ее уже не слушала.

Оглохшая от криков кошка легко пошла к ней в руки. Даже согласилась немного посидеть в тазу, хотя ее всю колотило от страха. Добившись своего, Танька вышвырнула бедное животное из таза, взяла горсть воды и стала обрызгивать все вокруг. Когда вода снова полилась на кошку, та только зажмурилась и поджала ушки.

– Теперь только попробуйте ко мне сунуться, – мрачно прошептала Танька, сжимая кулаки.

Глава III

Восковой палец

Ночью ее разбудил стук в дверь. Танька не сразу поняла, что стучат именно к ней в комнату. В первую секунду ей показалось, что это барабанит дождь по подоконнику.

Стук повторился. Скрипнула ручка – с той стороны кто-то попытался попасть в комнату. Но Танька, как человек самостоятельный, давно закрывалась на задвижку. Этим она подчеркивала свою независимость.

По двери провели рукой, словно искали еще одну ручку, а потом опять постучали.

– Какого лешего! Кто там?

Фролова никак не могла выдернуть себя из сна – она все еще витала где-то в розовых облаках.

Вдруг что-то тяжелое мягко опустилось ей на грудь. Сразу стало нечем дышать. Перед глазами мгновенно возникла картинка: Мари накрывает ее лицо подушкой.

– Раз есть копия, оригинал уже не нужен, – шепчет она и со всей силой давит на подушку.

Фролова вскрикнула и села на кровати. С груди ее свалилась внезапно разбуженная кошка и испуганно закопалась в одеяло.

– Дура! – в сердцах выдохнула Танька, чувствуя, как по телу бегают противные мурашки и трясутся от волнения руки.

– Таня, – позвал голос за дверью.

– Да иду я!

Танька нащупала шлепанцы и отодвинула засов.

В первую секунду ей показалось, что она вновь лежит на кровати и видит сон.

Перед ней стоял Карл-Людовик и бледно улыбался.

– Здравьте, приехали! – ахнула Танька. От давно умершего принца на нее дохнуло могильным холодом. – Тебе что нужно?

Кошка на кровати зашипела. Танька всего на мгновение отвернулась. Когда она вновь посмотрела на Карлушу, он уже стоял в комнате.

– Я за тобой, – прошептал он искусственными губами, и Танька ощутила мягкое пожатие восковых пальцев.

– Я сейчас заору, – предупредила Танька.

– Бывают случаи, – мягко заговорил мальчик, – когда крик уже не помогает.

Пальцы еще сильнее сжали ее локоть, и Фролова увидела, как рука ее плавится от крепкого пожатия.

– Я – кукла? – ахнула Танька. – Восковая фигура?

– А ты об этом еще не догадалась? – бледно улыбнулся Карлуша.

Комната начала медленно кружиться вокруг нее.

Первое, о чем Танька подумала, придя в себя, это о том, что старик все же оказался прав – неожиданная встреча у нее состоялась. И были это не клоуны с попугаями, а восковая фигура Карла-Людовика.

Вспомнив об этом, Танька вскочила как подброшенная. Вернее, она это сделала мысленно, потому что тело слушаться отказалось. Руки и ноги гнулись с трудом, голова была тяжелой, глаза не открывались, словно веки кто-то склеил. И вообще она чувствовала себя страшно неуклюжей, в теле не было привычной легкости.

«Ну вот, заболела», – решила Танька, все еще пытаясь открыть глаза. Она хотела их протереть, но пальцы в кулаки не сжимались.

«И какого я шлялась под дождем без зонта? – думала Фролова, продолжая бороться со своим организмом. – Не хватает все каникулы валяться в постели. На меня еще вредную Ленку повесят...»

Однако голова не раскалывалась – значит, никакая это не болезнь.

– Мари, все получилось.

Услышав этот шелестящий голос, Танька наконец смогла распахнуть глаза. И сразу пожалела об этом. Вокруг нее застыл десяток восковых фигур. Ближе всех оказался Карл-Людовик. Рядом – хозяйка Музея. Сейчас Мари выглядела не лучше своего любимца – лицо у нее имело такую же восковую бледность.

– Кто вы? – Губы у Фроловой еле шевелились.

В воздухе послышался еле слышный треск. Танька испуганно приподнялась. Восковые фигуры аплодировали. Они били ладошами, отчего получался такой звук, как будто по полу прыгает рассыпанный сухой горох.

– Поздравляю, мадам. – К руке Мари склонился какой-то тип в парике и в широкой шляпе с пером.

– Спасибо, Луи, – благосклонно улыбнулась ему хозяйка Музея и повернулась к Таньке. – Ну что же, осваивайся на новом месте. Карлуша тебе поможет. Если что – спрашивай, тебе любой будет рад услужить.

И все фигуры согласно закивали.

– Что значит – осваивайся? – Танька с трудом согнула колени – восковые ноги слушались плохо. – Что вы со мной сделали? Кто вы такая? И почему стали восковой? Днем вы были нормальной.

Мари обвела взглядом собравшихся.

– Оставьте нас, – приказала она.

Собравшиеся стали медленно расходиться. Глядя на то, как они двигаются, Танька похолодела. Перед ее глазами возникла восковая рука.

– Вставай! – Мари пошевелила пальцами, давая понять, что ждет, когда Фролова соберется с силами.

Танька подняла свою руку к глазам и с воплем начала подниматься.

Ей, конечно, не нравилось ее имя. Она не любила свое отражение в зеркале. Ее не устраивал курносый нос, короткие пальцы, пухлые щеки. Ей все в себе не нравилось. Но это не означало, что она собиралась помереть или превратиться в куклу! Она собиралась жить долго и счастливо.

Надо бежать!

Танька медленно повернулась – она теперь все делала так медленно! – и уперлась в зеркало.

Из зеркала на нее смотрела та самая фигура, что она видела во сне. Точная копия, только с восковой бледностью. Так похожая на живую, но все-таки мертвая.

– Вы меня убили?

Танька готова была расплакаться, но слез не было.

– Чтобы тебе было понятнее, я расскажу все с самого начала. – Карлуша придвинул хозяйке Музея большое старинное кресло, и та опустилась в него, шурша шелком платья. – Позволь представиться еще раз – Мари Тюссо.

– Как? – В отличие от движений, с чувствами и эмоциями у Таньки все было хорошо, на слова Мари отреагировала она быстро.

– Да, да, – кивнула женщина. – Это я создала Музей, я вылепила первые фигуры. Из Франции мне пришлось перебраться в Англию. Со своими любимцами я путешествовала по всей стране. Когда я умерла, такую же фигуру сделали с меня. Согласись, восковые фигуры так похожи на живых людей. Им не хватает только одного – быть живыми. Да и век восковой

фигуры недолог. Воск – хрупкий материал. И это так несправедливо – быть копией живых. Они приходят, они смотрят на нас, они показывают пальцем, они нас разрушают. Я решила восстановить справедливость. Мы не можем стать вновь живыми, зато мы можем создавать себе подобных. Ведь это легко – нужно сделать всего лишь копию, и человек перестает существовать.

– Но почему я? – Таньку уже давно трясло от ужаса. От осознания невозвратности происходящего она готова была удариться в истерику.

– Это сложная отработанная система. Франция, Англия, Германия... Где мы только не работали! Можно сказать, мы отдельное восковое государство. Теперь вот добрались до России. Мы весь мир превратим в Музей восковых фигур. Странами будем править мы, мертвые! Хорошая идея?

Карлуша закивал, а Танька только губы надула.

– Плохая, – зло бросила она. – Брали бы кого-нибудь другого. Со мной у вас ничего не получится.

– Уже получилось. – Восковой палец уперся в Таньку. – Мы не берем случайных людей. Нам нужен, во-первых, человек, недовольный собой и жизнью, грубый, злой. Кстати, – остановила она сама себя, – о таких людях меньше всего грустят, когда они пропадают. А потом, нам помогают куклы.

– Кто? – Таньке показалось, что она ослышалась.

– Куклы. – Мари была само обаяние и терпение. – Обыкновенные детские игрушки. Они рассказывают нам о своих хозяевах и помогают им попасть на трамвай.

– Подождите, подождите! – Фролова начала что-то понимать, но основной смысл все равно от нее ускользал. – Вы хотите сказать, что на меня нажаловалась кукла Таня?

– И не только она. Там был кто-то еще... – Мари вопросительно посмотрела на Карлушу.

В руках у мальчика появился блокнот. Восковой палец уперся в строчку.

– Зеленый бегемот Танюша, герань Танечка и грузовик Татьяна, – отчеканил мальчик.

– А герань-то как с вами разговаривала? – простонала Фролова.

– Надо уметь слышать, – с достоинством произнесла мадам Тюссо. – Кукол часто обижают, и со временем они научились защищаться. У них есть гениальное изобретение – трамвай. Он увозит самых мерзких и гадких детей в страну, откуда не возвращаются. Эту городскую легенду дети рассказывают друг другу темной ночью, когда за окном гремит гром и сверкает молния. – Женщина покосилась на окно, за которым тоже лил дождь. – Сейчас подходящее время. Неужели ты никогда не слышала этой легенды?

Танька замотала головой. Вернее, ей хотелось, чтобы голова быстро двигалась, на самом деле она только еле шевельнула ею.

– Ну, ничего, у тебя еще будет время ее услышать. Кстати, ты никогда не замечала, – Мари доверительно склонилась к Таньке, – что детей больше, чем взрослых? Значит, не все дети вырастают...

Танька вспомнила трамвай, на котором ехала в окружении игрушек. Вел его бегемотик... Так вот, значит, куда они ее везли. Везли, везли... Но не довезли!

– Я от них сбежала! – вспомнила Фролова. – Ничего ваши куклы сделать не могут!

– Это немного усложнило дело, – царственно кивнула женщина. – Вообще мы думаем, что с детьми в этой стране у нас будет много проблем. Какие-то вы... неправильные. – На лице Мари впервые появилось злое выражение. – И куклы у вас очень терпеливые. Но ничего, с этим мы тоже справимся. – Мадам Тюссо встала и оправила на себе длинную юбку. – Осваивайся. Скоро тебя приспособят к делу.

Женщина вышла. Шуршание юбок стихло.

– Какому делу? – Танька никак не могла примириться с произошедшим. Голова не верила глазам. Хотелось зажмуриться и снова очутиться дома, понять, что все это сон и больше ничего.

И еще очень хотелось плакать, но слез не было – восковым фигурам не нужны слезы, поэтому их и нет.

– Не расстраивайся, – попытался утешить ее Карлуша. – Это поначалу непривычно, а потом ничего. Даже лучше. Живые люди и болеют, и в школу ходят, и умирают. А Мари сделает так, что ты будешь жить долго-долго. Только на солнце не выходи, расплавиться можешь.

– Что за ерунда! – Танька не могла себя больше сдерживать. Ей страшно хотелось схватить Карла-Людовика и выбросить в окно. – Что ты меня успокаиваешь? Не нужны мне твои утешения. Меня искать будут! У меня родители есть.

– А для них ты умрешь, – Карлуша был невозмутим, как и его хозяйка. – Грузовик на тебя наедет. Или из окна выпадешь. Можешь сама выбрать. У тебя еще есть время.

– Какое время?

Карлуша легко справился с тяжелым креслом, отодвинув его обратно к стене. И бледно улыбнулся Таньке.

– Ну, – протянул он, отводя взгляд, – ты сбежала из трамвая. Да еще своим друзьям о нас рассказала. Копию с тебя сделали, а убить – не убили. У Мари обычно наоборот получалось. Человека сначала убивали, а потом она фигуру лепила. В этот раз она поторопилась – работала с фотографией. Но куклы в последний момент решили тебя пожалеть, дали убежать. Теперь ты некоторое время побудешь в двух видах – в живом и в восковом. Когда ты здесь совсем освоишься, тело само придумает, как умереть. Лето, можно и в речке утонуть.

– Значит, я могу вернуться домой? – завопила Танька, не веря в свое счастье.

Это все был сон! Это все сейчас кончится!

Карлуша снова наградил Таньку бледной улыбкой.

– Никуда ты теперь отсюда не денешься. Чем дольше ты будешь в теле восковой фигуры, тем больше будешь к нему привыкать. Тебе даже понравится. А потом ты и вовсе не сможешь из него выбраться. Это закон.

– И через сколько это произойдет?

– У кого как получается, – пожал плечами принц. – Кому-то одного раза достаточно, кто-то неделю держится. А ты, – он, прищурившись, окинул Фролову взглядом, – дня три-четыре продержишься. Вы все какие-то упертые, за жизнь держитесь. Мы были другие.

– Нашел с кем сравнивать, – проворчала Танька. Она была убеждена – стоит ей выбраться отсюда, и поминай как звали. А если что, так и вернется она сюда добровольно. В общем, насильно фиг ее кто сюда притащит!

– Пойдем, я тебя провожу до выхода.

Карлуша галантно поклонился и толкнул тяжелую дверь. Теперь все залы Музея были пусты. Лишь изредка раздавался шорох, и в зеркалах мелькали чья-нибудь пестрая юбка или кафтан.

Они вышли на знакомую Таньке лестницу, и Фролова чуть ли не бегом спустилась на первый этаж, всем телом навалилась на дверь и выскочила на улицу.

– Ждите меня теперь! – крикнула она в отполированную множеством ладоней дверную ручку.

– Ждать не будем. – Карл стоял за ее спиной. – Я за тобой зайду.

Из-за поворота показался трамвай и, звякая, побежал к остановке.

Танька как замороженная смотрела на его приближение. Со стороны вагон был такой веселый, разноцветный, внутри горели яркие огоньки. Но Фролова чувствовала, что на нее надвигается неумолимый рок.

– Трамвай тебя доведет до дома.

Танька схватилась за поручень, забралась на нижнюю подножку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.